

И. Кант

Трактаты и письма
Памятники философской мысли

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
К19

Кант И.
К19 Тракаты и письма: Памятники философской мысли / И. Кант – М.: Книга по Требованию, 2021. – 708 с.

ISBN 978-5-458-31237-0

Очередная книга серии "Памятники философской мысли" - И.Кант "Тракаты и письма" - включает работы, не вошедшие в шеститомное собрание сочинений И.Канта, в том числе трактаты "Логика", "Религия в пределах только разума", "О педагогике". Ряд произведений публикуется на русском языке впервые. Книга включает также вступительную статью, комментарии и указатели к кантовским работам. Перевод с немецкого Н.Вальденберга, Т. Васильевой, А.Гулыги и др.

ISBN 978-5-458-31237-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

раздел введения к третьей «Критике». Кант пришел к своеобразному преодолению дуализма науки и нравственности путем апелляции к художественным потенциям человека. Формула философской системы Канта — истина, добро и красота, взятые в их единстве, замкнутые на человеке, его культурном творчестве, которое направляет художественная интуиция. Не напоминает ли трехчленное деление философии Канта известную идею Маркса о трех видах освоения мира — теоретическом, практическом и практически-духовном? Ответ напрашивается сам собой.

И еще одна существенная деталь. Кант видит в эстетике «пропедевтику всякой философии»². Следовательно, систематическое изучение философии необходимо начинать с теории красоты, тогда полнее раскроется добро и истина. Знакомство с третьей «Критикой» должно предшествовать чтению первых двух.

«Критику практического разума» начинающему можно вообще опустить. Дело в том, что в ней изложены лишь начала кантовского учения о нравственности; в завершенном виде оно предстанет в поздних его произведениях. Теорию познания Кант вынашивал долгие годы. В результате она возникла как целое, была изложена строго, стройно, систематически. С теорией морали дело казалось проще, тем не менее только в преклонном возрасте Кант создал «Метафизику нравов» (1797) — труд, где все было продумано до конца. Здесь преодолен ригоризм ранних критических сочинений по этике, мораль сочленена с правом.

Первоначально Кант мыслил учение о религии в качестве необходимой составной части философской системы. В одном из заключительных разделов «Критики чистого разума» он сформулировал три знаменитых вопроса, исчерпывающих, по его мнению, все духовные интересы человека. Что я могу знать? Что я должен делать? На что смею надеяться? На первый вопрос, полагал он, дает ответ его теоретическая философия, на второй — практическая. Ответ на третий вопрос, который затрагивает проблему веры, сразу не получился. «Критика способности суждения» с ее выходом в проблемы телеологии и культу-

² Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1966, т. 5, с. 195.

ры указывала «дорогу надежды», по которой следует идти индивиду. Культура — «последняя цель природы», человек призван создать ее. Можно ли при этом рассчитывать на какие-либо внешние силы, кроме собственных потенций? Какого рода надежду оставляет вера во всемогущее существо?

На помощь сверхъестественных сил, по Канту, надеяться непозволительно. Нет ни чудес, выходящих за пределы объективных законов опыта, нет божественной тайны, превышающей возможности нашего духа, нет благодати, силой божественного авторитета просветляющей нашу нравственность. Вера в бога — это прежде всего надежда на собственную нравственную силу. При том, что Кант не отнимает надежды и на посмертное воздаяние: без веры в будущую жизнь невозможна никакая религия. Речь об этом идет в трактате «Религия в пределах только разума» (1793). Трактат этот важен для понимания этической теории Канта. Кантовское учение о религии существует только в пределах последней. Второй и третий вопросы слились воедино.

И тогда (в том же 1793 г., когда появился трактат о религии) Кант заговорил о необходимости дополнить три основных философских вопроса четвертым. «Давно задуманный план относительно того, как нужно обработать поле чистой философии, состоял в решении трех задач: 1) Что я могу знать? (метафизика); 2) Что я должен делать? (мораль); 3) На что я смею надеяться? (религия); наконец, за этим должна была последовать четвертая задача — что такое человек? (антропология, лекции по которой я читаю в течение более чем двадцати лет)» (с. 589)³. И в другом месте Кант уточнял: «В сущности все это можно было свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» (с. 332).

В «Антропологии» (1798) — последней работе Канта, изданной им самим, как бы подводится итог размышлениям о человеке и человечестве. Если «Антропологию» соотнести только с «Критикой чистого разума», то многое в последней работе Канта нам останется непонятным. Если соотнести ее со всем творчеством Канта, то содер-

---

³ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы настоящего издания.

жание ее прояснится (что касается формы, то «Антропология» — наиболее яркое из его произведений). Это — сводка системы, итог философских исканий, завершение пути. И одновременно начало: начинать изучение философии Канта целесообразно именно с «Антропологии». Читатель должен как бы пуститься в путь, противоположный движению мысли Канта. В конце пути окажется «Критика чистого разума».

Первое и последнее слово зрелого Канта — о человеке. Кантовский критицизм в значительной мере порожден интересом к жизни личности. С размышлений над судьбой человека начинался «коперниканский» поворот. Под влиянием чтения Руссо строй мысли Канта обретает своеобразный оттенок демократизма: «Я учусь уважать людей и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассуждение может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества... Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу, — а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире — и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком»⁴. Быть человеком, по Канту, значит быть свободным, ибо природа человека — его свобода.

На закате дней своих, вспоминая об истории возникновения критической философии, Кант подчеркивал, что прежде всего антиномии, и в частности антиномия свободы («человеку присуща свобода — у него нет никакой свободы, а все в нем природная необходимость»), пробудили его «от догматического сна и побудили приступить к критике разума» (с. 617). Прежде чем Кант стал «пруссским Юмом», он определился как «пруссский Сократ» (так называл своего учителя Гердер).

Открыв «Критику чистого разума», мы узнаем, что главный вопрос, подлежащий исследованию в книге, — это вопрос о том, как возможны синтетические суждения априори. Но рядом, как эхо, звучит другой, не менее важный: как возможна свобода человека? Свобода есть, но где она? В мире явлений мы ее не обнаружим, она существует только в мире вещей самих по себе. Дуализм Канта —

⁴ Кант И. Указ. соч., т. 2, с. 205—206.

своеобразная попытка оправдать амбивалентное поведение человека в антагонистическом обществе, где приходится приноравливаться к обстоятельствам, а нравственное поведение требует героизма.

Человек живет в двух мирах. С одной стороны, он — феномен, клеточка чувственного мира, существующая по его законам, порой далеким от человечности. Но, с другой стороны, он — ноумен, существо сверхчувственное, подчиненное идеалу. У человека два характера: эмпирический, привитый окружением, и ноуменальный, интеллигибельный, как бы присущий ему изнутри. Связаны ли они между собой? Или интеллигибельный характер есть нечто запредельное, в посюстороннем мире себя не проявляющее? В том-то и дело, что в поведении человека реализуется связь между двумя характерами. На этом основана вменяемость человека, его ответственность за свои поступки.

Кант иллюстрирует свою мысль простым примером. Если человек злостно лжет (ложь для Канта — один из самых страшных пороков⁵), и его ложь вносит замешательство в общество, кто виноват? Исследуя эмпирический характер, мы можем найти причины данного дурного поступка в плохом воспитании и плохом окружении. Но хотя мы и полагаем, что поступок определялся этими причинами, тем не менее мы упрекаем виновника не за влиявшие на него обстоятельства, мы рассматриваем совершенный проступок сам по себе и указываем на разум как на причину, которая могла и должна была иначе определить поведение человека. «Поступок приписывается интеллигибельному характеру человека; теперь в тот момент, когда он лжет, вина целиком лежит на нем; стало быть, несмотря на все эмпирические условия поступка, разум был совершенно свободен, и поступок должен считаться только следствием упущения со стороны разума»⁶.

И, между прочим, проблема идеальности времени, столь шокирующая материалистически мыслящий ум, введена Кантом по тем же соображениям — чтобы «спасти свободу». Время — это порядок явлений в природе, над

---

⁵ «Ложь по принуждению можно простить, но не оправдать» (GS, Bd. XV, S. 540).

⁶ Кант И. Указ. соч., т. 3, с. 493.

которым никто не властен, это генетическая связь состояний; свобода же требует проявления самовластия человека. Поэтому, если время присуще вещам самим по себе, то свобода невозможна. Только потому, что в интеллигибельном мире нет «железного» сцепления причин и следствий, нет времени, возможна причинность особого рода — «через свободу», которая только и делает человека моральным существом. В природе одни и те же причины с «железной» необходимостью вызывают одни и те же действия. Человек же может пересмотреть содеянное и, хотя условия не изменились, поступить иначе. Он может «отменить» время, изменить его ход. Из физической реальности в таком понимании время превращается в поэтическую метафору. Не случайно трансцендентальная эстетика Канта вдохновляла поэтов (А. Блок и А. Белый).

Свобода для Канта — не произвол, не просто логическая конструкция, при которой из данной причины могут на равных правах проистекать различные действия. Хочу — поступлю так, а хочу — совсем наоборот. Нравственная свобода личности состоит в осознании и выполнении долга. Перед самим собой и другими людьми. «Свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и то же»⁷.

Человек — дитя двух миров. Принадлежность к чувственно воспринимаемому (феноменальному) миру делает человека игрушкой внешней причинности, здесь он подчинен посторонним силам — законам природы и установлениям общества. Но как член интеллигибельного (ноуменального) мира «вещей самих в себе» он наделен свободой. Эти два мира — не антимир, они взаимодействуют друг с другом. Интеллигибельный мир содержит основание чувственно воспринимаемого мира. Так и ноуменальный характер человека должен лежать в основе его феноменального характера. Беда, когда второй берет верх над первым. Задача воспитания состоит в том, чтобы человек целиком руководствовался бы своим ноуменальным характером. Принимая то или иное жизненно важное решение, исходил бы не из соображений внешнего порядка (карьера, выгода и пр.), а исключительно из повелений свободы, т. е. долга.

⁷ Кант И. Указ. соч., т. 4, ч. I, с. 290.

Главное для Канта — поведение человека, его поступки. Кант говорит о примате практического разума, его первенстве перед разумом теоретическим. Знание имеет ценность только в том случае, если оно помогает человеку стать человечнее, обрести твердую нравственную почву, реализовать идею добра. Только такую ценность Кант признает и за верой. Вера в бога — это моральная убежденность, способность всегда и везде следовать долгу. И сама философия имеет смысл лишь постольку, поскольку она служит воспитанию человека. «Какая польза от философии, если она не направляет средства обучения людей на достижение истинного блага?»⁸

Сверхчувственный мир человека, где господствуют моральные законы и торжествует долг, — продукт истории. От природы человек «зол», т. е. аморален. Каким же образом возникает потребность творить добро? Ни в «Критике чистого разума», ни в «Критике практического разума» мы не найдем ответа. Мораль отличается человека от животного, но, как она возникла первоначально, остается для Канта величайшей загадкой мироздания. Как и само мироздание. «Две вещи наполняют душу все новым и возрастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее размышляешь о них — звездное небо надо мной и моральный закон во мне»⁹.

На вопрос о происхождении «звездного неба» Кант ответил еще в молодости («Всеобщая естественная история и теория неба»). Придет время, и (в трактате «Религия в пределах только разума») Кант ответит на вопрос о происхождении морали.

2. ИСТОРИЗМ И ПРОБЛЕМА ВООБРАЖЕНИЯ

Одно из широко распространенных заблуждений относительно кантовской философии состоит в том, что в ней не видят исторического пафоса. Между тем он заметен даже в «Критике чистого разума».

Всякое знание, по Канту, начинается с опыта, но не ограничивается им. Часть наших знаний порождается са-

⁸ GS, Bd. XV, S. 628.

⁹ Кант И. Указ. соч., т. 4, ч. I, с. 499.

мой познавательной способностью, носит, по выражению Канта, априорный (доопытный) характер. Эмпирическое знание единично, а потому случайно; априорное — всеобщее и необходимо. Априоризм Канта отличается от идеалистического учения о врожденных идеях. Во-первых, тем, что, по Канту, доопытны только формы знания, содержание целиком поступает из опыта. Во-вторых — сами доопытные формы не являются врожденными, а имеют свою историю.

Теория врожденных идей «решительно опровергается тем, что в таком случае категории были бы лишены необходимости, присущей их понятию. В самом деле, понятие причины, например, выражающее необходимость того или иного следствия при данном условии, было бы ложным, если бы оно основывалось только на произвольной, врожденной нам необходимости связывать те или иные эмпирические представления по такому правилу отношения. В таком случае я не мог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т. е. необходимо), а должен был бы сказать лишь следующее: я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе, как связанным такто. Это и есть то, что наиболее желательно скептику»¹⁰.

Теория врожденных идей, по Канту, — это «система преформации чистого разума», а теория априоризма — «система эпигенезиса чистого разума». Сказано четко и ясно. Реальный смысл кантовского априоризма состоит в том, что индивид, приступающий к познанию, располагает определенными, сложившимися до него формами познания. Наука обладает ими тем более. Если посмотреть на знание с точки зрения его изначального происхождения, то весь его объем в конечном итоге взят из все расширяющегося опыта человечества. Наряду с непосредственным опытом есть опыт косвенный, усвоенный. Так сегодня мы смотрим на проблему, поставленную Кантом.

Теория познания Канта помогла приподнять завесу над одним из самых загадочных процессов — образованием понятий. Предшественники Канта заходили в тупик, пытаясь решить эту проблему. Сенсуалисты настаивали на

¹⁰ Кант И. Указ. соч., т. 3, с. 215.

индукции, опытным «наведением» на некие всеобщие признаки и принципы. По повседневному опыту мы знаем, что лебеди белые, а вороны черные. Но, между прочим, даже житейский рассудок весьма скептически относится к подобного рода всеобщности: выражение «белая ворона» говорит о крайне редком, но все же возможном нарушении привычного порядка вещей, что касается черного лебедя, то он реально существует. А как при помощи индукции, абстрагирования общих признаков объяснить изобретение, создание умственной конструкции чего-то нового, ранее не существовавшего — машины или научной теории?

Рационалисты искали иные пути решения проблемы. Они усматривали строгое, не зависящее от человека соответствие между порядком идей и порядком вещей. Мышление они считали неким «духовным автоматом» (выражение Спинозы), который штампует истину, работая по заранее заданной, «предустановленной» (выражение Лейбница) программе. Объяснение было основательным, но обладало одним существенным изъяном: оно не могло ответить на вопрос, откуда берутся ошибки. Показательна попытка Декарта выбраться из этого противоречия. Корень заблуждений он видит в свободной воле: чем менее человек затемняет свет божественной истины, тем больше он застрахован от ошибок; пассивность — гарантия правильности знаний.

Для Канта именно активность познания — залог успеха. Он видит в человеческом интеллекте заранее возведенную конструкцию — категории. Но это еще не само научное знание, это только его возможность. Такую же возможность представляют собой и опытные данные — своего рода кирпичи, которые нужно уложить в ячейки конструкции. Чтобы выросло здание, требуется активный участник строительства, и Кант называет его имя — продуктивное воображение¹¹. Если вспомнить, что современная эвристика усматривает в бессознательном воображе-

---

¹¹ См. об этом: *Бородай Ю. М.* Воображение и теория познания. М., 1968. См. также: *Dietzsch St.* Der identitätsphilosophische Vorgriff — das Schematismus — Problem in der Transzendentalphilosophie I. Kants. — In: *Wissenschaftliche Zeitschrift, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.* Leipzig, 1974, Heft 3.

нии центральное звено любого научного открытия (изобретения), мысль Канта предстанет перед нами как удивительно актуальная.

В «Критике чистого разума» (и в других работах Канта) мы не встретим термин «бессознательное». Тем не менее идея бессознательного как активного, творческого начала выражена недвусмысленно. Кант говорит о спонтанности мышления. Рассудок, благодаря продуктивному воображению, сам спонтанно, т. е. стихийно, помимо сознательного контроля, создает свои понятия. «Способность воображения есть спонтанность»¹². Такова одна из центральных идей «Критики чистого разума».

Созидательная деятельность воображения обусловлена, во-первых, готовыми конструкциями (категориями), а во-вторых, наличным строительным материалом — эмпирическими данными. Именно поэтому воображение возводит не воздушный замок, а прочное здание науки. Продуктивное воображение — не пустая фантазия. Это рабочий инструмент синтеза чувственности и рассудка. Канту мало общей констатации факта. Он пытается уточнить сам ход этого синтеза и обнаруживает некую промежуточную фазу, среднее звено между чувственностью и абстрактным мышлением. В «Критике чистого разума» появляется новый термин — схема. Это как бы полуфабрикат продуктивного воображения, нечто совсем удивительное: с одной стороны, — чувственное, с другой — интеллектуальное, «посредующее представление», «чувственное попятие».

Схему, подчеркивает Кант, следует отличать от образа. Последний всегда нагляден. Пять точек, расположенных одна за другой, — образ некоего количества; чистая схема количества — число. В основе понятий лежат не образы, а схемы. Как они возникают, сказать трудно. Кант лишь указывает на опосредствующий механизм синтеза чувственности и рассудка — время. Временной ряд одинаково присущ как созерцаниям, так и понятиям. Время лежит в основе схем.

Если взглянуть теперь снова на категории, то станет яснее, как Кант представляет себе внеопытное возникно-

---

¹² Кант И. Указ. соч., т. 3, с. 205.

вание категорий, уже упоминавшийся нами «эпигенез чистого разума». Каждая категория имеет свою схему. Что такое схема субстанции? Это постоянство реальности во времени. Схема причинности? Это реальность, за которой следует другая реальность. Схема общения (взаимодействия) или взаимной причинности есть одновременное существование определений одной субстанции с определениями другой субстанции. Схема возможности есть согласие синтеза различных представлений с условиями времени вообще. Схема действительности есть существование в определенное время. Схема необходимости есть существование предмета во всякое время. Наконец, схема количества дает нам «порождение (синтез) самого времени в последовательном схватывании предмета»¹³.

Последнее обстоятельство очень важно: само время оказывается конструкцией продуктивного воображения. «Схема сама по себе всегда лишь продукт воображения»¹⁴. Таким образом, «априорное происхождение категорий»¹⁵ оказывается возможным благодаря действию продуктивного воображения. Априоризм включает в себя момент исторического подхода к познанию.

Разумеется, крайне абстрактный. Категории возникают как самодеятельность «чистой» познающей способности, и это безусловная уступка идеализму. Пример того, насколько верно схвачена суть дела ленинской характеристикой: «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений... Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных условиях, и материализма. Признавая априорность пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма»¹⁶.

В «Критике чистого разума» Кант провел детальное расчленение познавательных способностей. Представлен-

¹³ Кант И. Указ. соч., т. 3, с. 225.

¹⁴ Там же, с. 222.

¹⁵ Там же, с. 210.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 206.